

7 **Кружозор** 66

*Auguro a tutti
i lettori e ascoltatori di "Krugozor"
per i migliori successi nel
loro lavoro politico e sociale*
Luigi Longo

Я желаю всем читателям
и слушателям «Кругозора»
наилучших успехов
в их политической
и общественной работе.
Луиджи Лонго

КОМИССАР

Многотысячный митинг строителей у подножия
Колизея в Риме. Декабрь 1965 года.

Коммунист — это боец

Аугусто ПАНКАЛЬДИ,
корреспондент газеты
«Унита».

рабочего класса

Есть одна фотография Луиджи Лонго, которую знают все итальянские коммунисты. Эта фотография, как и жизнь самого Лонго, неразрывно связана с историей нашей партии. На ней Луиджи Лонго, подняв кулак, стоит рядом с Долорес Ибаррури. Фотография сделана в Испании в 1936 году. Тогда Лонго было тридцать шесть лет и он только что был назначен Генеральным инспектором Интернациональных бригад, объединивших в своих рядах антифашистов всех взглядов из 52 различных стран мира. Луиджи Лонго — его все знали под именем Галло — было поручено сплотить и направить борьбу этих отрядов. Рожденное в борьбе единство стало действенным: в марте 1937 года в Гвадалахаре Интернациональные бригады нанесли фашистам серьезное поражение. В Теруэле, Брунете, Эстремадуре, Мадриде, на Эбро видели Галло бойцы-антифашисты — высокого, худого, с энергичным лицом, темными густыми волосами.

Возможно, биографию нельзя рассказывать с середины. Ведь она начинается с дня рождения, с первых лет юности, с первых битв. Но мне кажется, та фотография, те дни жизни Луиджи Лонго сразу создают точный образ этого человека. А человек этот — боец, революционер, руководящий сегодня Итальянской коммунистической партией, ее Генеральный секретарь.

Борец и политический деятель. В этом — весь Лонго. Именно это ощутили в нем товарищи по оружию в Испании. Две главные черты Луиджи Лонго будут переплетаться на протяжении всей его дальнейшей жизни.

Луиджи Лонго начал политическую деятельность в двадцать лет, став секретарем студенческой группы, которую часто посещали Грамши и Тольятти.

В 1921 году была создана Коммунистическая партия Италии. В те годы по всей стране шли фашистские погромы, и партия поручила Лонго организовать вооруженное сопротивление фашизму в Пьемонте. Как политического деятеля направляет его партия в 1922 году делегатом IV конгресса Интернационала, последнего, на котором выступал В. И. Ленин.

Политического деятеля и борца видели в Лонго враги, организовав в 1924 году нападение на него. Фашистские бандиты в кровь избили его дубинками, тщетно пытаясь вырвать у него имена товарищей-коммунистов. Политического деятеля видела в нем партия, когда поручила Лонго руководить (с 1930 по 1936 год) всей подпольной работой в Италии. Как боец встал Лонго в первые ряды иностранных добровольцев, пришедших на помощь Испанской республике.

Много испытаний выпало на его долю. Лонго умел с честью пройти

через них. Как-то он рассказал мне о том периоде своей жизни, когда он вернулся из Испании во Францию. Правительство Даладье приказало арестовать его и поместить в лагерь Верне. Заключенные там практически были обречены на голодную смерть. Лонго пробыл в этом лагере более двух лет. И когда свобода уже была близка, Франция капитулировала и оказалась оккупированной гитлеровскими войсками. Коллаборационистские французские власти выдали итальянской полиции коммуниста, за которым Муссолини охотился двадцать лет. Фашистская полиция боялась его и такого — истощенного, едва державшегося на ногах. В Рим Лонго отправили закованным в кандалы.

И снова тюрьма и ссылка. Лонго пробыл там до падения фашизма, до 1943 года. В это время партия нуждалась в политическом деятеле, который мог бы руководить партизанской борьбой на севере Италии (север еще находился в руках фашистов). Нужен был человек, имеющий опыт вооруженной борьбы, обладающий организаторскими способностями, нужен был политический деятель, способный утвердить принцип единства всех антифашистских сил, объединить в вооруженной борьбе трудящихся. И снова выбор падает на Луиджи Лонго. И снова партия не ошиблась в своем выборе.

Впервые я увидел Луиджи Лонго в 1945 году во главе партизанских частей, проходивших по улицам освобожденного Милана. Минуло десять лет со времени войны в Испании, но он был таким же, как на той фотографии: солдат-коммунист, комиссар рабочих и крестьян. Теперь он отложил винтовку, но не покинул поля боя. Начиная период политической борьбы за демократию, за национальное единство, за социализм. Эту борьбу коммунист Лонго продолжал на посту заместителя Генерального секретаря партии по 1964 год, год смерти Тольятти.

Когда я думаю о Лонго, я вспоминаю слова Пальмиро Тольятти, которые услышал в Риме на праздновании Луиджи Лонго в день его шестидесятилетия: «В жизни Лонго отражается вся история и сама жизнь партии, начиная с далеких дней 1920 года, когда зарождалась и формировалась партия рабочего класса, до наших дней... Жизнь Лонго, его революционная деятельность показывают, как могут формироваться лучшие качества руководителя».

Что нового в Баку

● Привычный взгляд вверх, вдоль нефтяной вышки, потом взгляд вниз — там море. Бурильщик Сагиб Иманвердаев стоит на железном островке, над пестрыми от нефти волнами, над крупнейшим новым месторождением нефти и газа «Сангачалы-море». Младший брат Нефтяных Камней, стальное зерно на корнях, крепко влившихся в морское дно и сосущих оттуда нефть; зерно, из которого через пять лет вытянутся на пятьдесят километров улицы-эстакады... Вот что такое «Сангачалы-море».

● Продирается сквозь зыбучие пески и плавунуны, сквозь сочащуюся землю туннель, высокий и

светлый. К пятидесятилетию Советской власти в Баку будет свое метро. Будут люди ездить на работу — от «Монтино» до «Коммунистической»...

● Вечером в спокойной воде бакинской бухты качаются огни. В этом светящемся «антимире» — слабые лучи освещенных окон и меняющиеся отражения кафе, перемещаются фары и блуждающие светляки велосипедов... И торжественно и сильно горят огни Новобакинского нефтеперерабатывающего и десятков других заводов. Баку работает.
Баку выполняет пятилетку.

Фото А. Лидова.

ЛИЦОМ К ЭЛЛАДЕ

Только много лет спустя он произнес: «Когда меня освободили с каторги на острове Макронисос и пароход пришел за нами, чтобы отвезти на материк, я сел, повернувшись спиной к острову. Мне казалось, что, если я посмотрю на него, он снова овладеет мной...»

Он не говорил об этом много лет не оттого, что у него не хватало мужества для воспоминаний. Написать на Макронисосе симфонию — дело не для малодушных. И когда отец, нашедший его в тюремной больнице, не мог узнать изуродованного сына, тот посмотрел на отца отважно и весело, чтобы он разгадал его — по глазам.

Расул РЗА

вечерние мысли

Меня спросили:
— Что тяжелей —
фунт хлопка
или фунт камней?
И я ответил:
— Фунт камней!
Я счастлив был...

Квантовая теория?
Теория относительности?
Могу обстоятельно о них
рассказать,
исписать об этом
столу бумаги...
Жаль мне тебя,
Расул Рза!

Я плакал,
когда мне хотелось чего-то,
просясь на руки матери,
борясь с дремотой

или требуя
соседской девочки мяч,
я поднимал плач.
Я плакал,
когда острый тростник
мне руку ранил,
плакал,
когда на лесной поляне
улетал от руки моей мотылек,
когда воробья поймать я не мог,
когда сосед
спускал с цепи собаку,
когда дулась сестренка —
я горько плакал...
Я счастлив был.

Мир корчится в бессоннице
до рассвета...
На километры после себя
оставляют развалины ранеты...
Смерть борется с жизнью.
Уходят друзья.
Известь закупоривает сосуды —
это значит,
все ближе срок.
Но сухи глаза.
Я давно уже вырос,
я больше не плачу...

Жаль мне тебя,
Расул Рза!

Не было человека
сильней, чем отец мой,
женщины — прекраснее, чем мать.
Чинара
на нашей улице тесной
свод небесный
кроной
могла достать.
Во рту вкус травы,
хлеба с луком и сыром...
Я на речке.
Речка —
в двух шагах от ворот.
И не было в мире
реки глубже и шире,
хоть цыплята переходили ее
вброд.

Слово «далеко»
путалось в колесах арбы.
Слово «близко»
где-то в шнурах ботинок.
Самым свирепым зверем был
соседский индюк,
на редкость противный.

Но его мужество — не смелость мемуариста. Он не хотел воспоминаний. Вечно заточенное в нем самое прошлое диктовало не мемуары. Приказы и действию. А так как он был музыкантом, у этих приказов была своя форма и свой ритм.

Это рассказ о композиторе. Вы может быть уже назвали имя: Микис Теодоракис. На нашей звуковой странице вы услышите песни, которые поет вся Греция и знает мир.

Когда хотят подчеркнуть популярность какого-то явления, призывают на помощь статистику. Можно воспользоваться этим приемом. Триста—четырееста тысяч граммофонных пластинок с песнями Теодоракиса, выпускаемые ежегодно в стране с десятиллионным населением, — это убедительно. Но статистика, как всегда, безлика. Вы ничего не узнаете об этих песнях из шумного перезвона цифр.

Мы говорим о песнях, хотя он автор симфоний и инструментальных пьес, хотя его балеты идут в театре Сары Бернар в Париже и лондонском Ковент-Гардене. Мы

говорим о песнях, ибо сам Теодоракис считает их самым звучным языком для разговора о людях. А ему нужно сейчас разговаривать только так.

Музыковеды часто пишут о том, что Микис дал новое звучание народной музыке. Но музыковеды, вероятно, используют иную терминологию для определения понятия «ритм».

А в его песнях ритм такой: удары палок двух солдатских батальонов, загоняющих триста узников Макиронисоса в море. Микис знает этот ритм своей кожей, своими костями. Форте — иступленный крик: «Отренируйтесь от своих убеждений!» И пианиссимо — ответ, который громче крика: «Нет!»

Звук шагов миллионной демонстрации в Афинах, несущей над городом гробы Григориса Ламбракиса, а потом — студента Сатироса Петруласа. Микис знает этот ритм своими перебитыми в тюрьме ногами. Он проходил в маршах сегодняшней Греции. Ритм остался в песнях о Григорисе и Сатиросе. Ритм обличительной речи на трибуне парламента. Депутат Теодоракис знает этот ритм своей биографией.

Когда после каторги он увидел мать, она не узнала его. Она до сих пор не знает, что он жив. Мать потеряла рассудок от горя. Кольбельные греческих матерей над погибшими сыновьями дали ритм «Эпитафиям» на слова Янниса Рицоса.

Теперь Теодоракис уже может вспоминать, ибо считает, что получил право на воспоминания: «Когда я думаю о прошлом, то всегда спотыкаюсь о застывшие, ледяные лица павших борцов, которые смотрят на меня открытыми живыми глазами. Этим убитым моим друзьям я посвятил все, что создал до сих пор».

Тогда, уезжая с Макиронисоса, он шел спиной к острову. Не для того, чтобы отвернуться от прошлого. Чтобы сесть лицом к своей Элладе и никогда не отвести от нее глаз.

Галина ШЕРГОВА

Теперь знаю,
в мире много людей очень сильных,
физических и духовных колоссов,
знаю,
есть много женщин красивых,
красивее Венеры Милосской.
Во рту теперь
вкус валокардина.
За семь суток я прошел
океанов километры.
Слово «близко»
стерли крылья самолетов
реактивных,
«далеко» —
межпланетные ракеты,

Порою глаза мои
бывают голодные:
хочу видеть
в улыбке раскрытые губы,
цветущую ветку,
тенистый родник,
годы, над которыми
тумана клубы.
Порой мои уши
бывают голодные:
хочу я слушать
гром неба,

плеск волны,
птичье пенье,
человеческий голос...
Но знаю,
иной на земле есть голод,
иная, мучительная тоска
по хлебу,
когда его нет ни куска.
Когда подумаю об этом,
стыдно мне
за голодные свои глаза,
стыдно
за голодные свои уши...
Жаль мне тебя,
Расул Рза!

Полночь.
Лист бумаги на моем столе.
Весь вечер бродил я
среди людей, по земле,
заглядывал в сердца,
радовался, пугался...
Полночь.
Лист бумаги на моем столе.
Вдруг лампа погасла...

Мрак окутал всего меня,
и телу моему прижался зябко...

Не мог дописать
последнюю строку Сегодня,
не мог начать
первую строку Завтра...

В руке ручка
с высохшими чернилами.
Под лонтями
полированная поверхность стола.
Лампа
до последней секунды
светила мне,
свет свой до капли
мне отдала.

А мы как закончим
свой жизненный путь?
Быть может,
так и не вступив
на самую близкую из планет,
чтобы там,
вглядываясь в небеса,
далекой Земле
послать привет?
Жаль мне тебя,
Расул Рза!

Перевод с азербайджанского
М. Павловой.

Самая знаменитая роль Ирины Архиповой — Кармен. В Неаполе она пела с Марио дель Монако. На следующее утро газеты возвестили: «Хозе нашел Кармен». Когда Ирине Константиновне было присвоено звание Народной артистки СССР, почти все комментарии начинались словами: «Архипова-Кармен...» Но я расскажу о недавней ее премьере.

...Шумный пир в богатых хоробах царского опричника Григория Грязнова. Подгулявшие гости просят хозяина, чтобы его любовница Любаша спела им. И вот на лестнице, ведущей во внутренние покои, появилась женщина. Она еще не поет, она просто идет навстречу залу, навстречу своей первой арии. Мы ничего не знаем пока о ней, но уже не можем оторвать от нее глаз. Веселье стихает. А оркестр совсем замолк, когда Любаша запела. И хотя я давно знаю, что так написано у композитора, но в этот момент мне все же кажется,

что дирижер специально дал знак музыкантам остановиться, чтобы инструменты не мешали человеческому голосу. А в голосе этом и тоска затворницы, и страсть, и обида покинутой женщины. И даже те, кто первый раз пришел в Большой на «Царскую невесту», понимают: у этой мятущейся души вперед мучения, может быть смерть, — столько трагического в ее голосе и фигуре.

Вот так выходит на сцену Архипова в роли героини Римского-Корсакова. Она добивается полного слияния сценического и музыкального образа, что не часто бывает в опере. Ведь только очень немногие оперные певцы свободны от культа собственного голоса...

А. ШЕРЕЛЬ

Фото Л. Лазарева.

Соната Бетховена.

●
Автопортрет.

●
Ваза с фруктами.

●
Силач.

Картини Д. Гриневича.

РАБОТА
И
РАБОТА

РАБОТА И РАБОТА

Учитель Дмитрий Петрович Гриневич работал вечерами в своей чистой маленькой комнате, чиркал в детских тетрадах, раскладывал натюрморты на стульях и столах. Ему нравилось соединять черные ломтики домино с тонким стеклом, с початой банкой варенья; смуглые сушки и чайник — с развернутой книгой; ключ и половину яблока — с глиняным кувшином, полным сочных, вянущих георгин... Приходили ученики, съедали, что было на столе, оставляли смятые розы в газете, мяч, разрытый арбуз.

Учитель не обязательно для рисования располагал все это, просто он любил радовать свои старые глаза. Рисовать ему удавалось до огорчения не часто. В дневниковых записях мешаются два слова: «работа» и «работа»: «Я только живу для работы: школа, школа и школа! Все же сделал работу «Осень». Это не пейзаж, это осень человека».

У него та, серая осень возраста так и не наступила, а все длилась учительская осень: начало; радость и строгость первого сентября... Кончилось лето, устали от него, а теперь сядем прямо. Все еще солнце, синие чистые стекла и чистая доска: душа маленького ребенка, его чистый разум...

Они от него не отлипали: как только он бывал дома, то и они сразу набегали, ученики. Мало им было школы и четырех лет с ним, и после они приходили, приезжали, привозили своих детей. (У него были ученики уже в 1922 году, когда он вернулся с гражданской отставным военфельдшером и сразу пошел служить в школу. Мама огорчилась: «Митенька, кто ж идет в учителя? Учителей не принимают в порядочных домах». — Мама была из рода Барклаев де Толли...)

А он стал учителем начальных классов. Последние годы он работал в 7-й московской школе.

Он рисовал всю жизнь, он для них рисовал, они были его зрителями. Для них читал стихи, играл на рояле, следил, чтобы в метро, когда все едут в театр, девочки сидели, а мальчики стояли. Он играл с ними и носился по лестнице. Они любили его страстно.

Учитель приходил с работы вымотанный, раскладывал из авоськи очередной натюрморт, готовил себе очень немного на ужин и сердился, что устал для рисования. Ему вечно не хватало времени для рисования.

Дмитрий Петрович Гриневич оставался учителем начальных классов до семидесяти лет.

Он был художником в своем классе, в своем 2-м «Б», когда бродил вдоль парт и касался рукой теплых затылков, и ребята поднимали к нему лица.

Он умер. Ученики его, жена хранят не очень много странных, красивых, непрочных картин, рисованных цветными карандашами на бумаге.

Л. СТЕФАНОВА

Д. САМОЙЛОВ

НОВОСЕЛЫ

6

Шипит рубанок
В желтой пене
Смолистых стружек.
Встает строенье,
Прогибы балок
Слегка напряжив.

Стоят и курят
Новоселы,
Стоят и спорят:
— Деревня будет,
— А нет — поселок,
— А может, город!

Конечно, город!
Он будет белый
И веселый.
Здесь хватит места
И хватит дела
Всем новоселам.

Здесь на заре
На самой ранней,
На самой свежей
Весенних яблонь
Благоуханье
Вдохнет приезжий.

Пройдет приезжий
Мимо почты
И мимо школы.
Перемигнутся
И улыбнутся
Новоселы.

— Нельзя ли, братцы,
Напостоянно
Здесь прописаться? —
И потолкуют,
И посмеются,
И согласятся.

гончар

Продавали на базаре виноград, халву, урюк.
Полосаты, как халаты, запотели арбузы.
Были синими кувшины, были желтыми тазы.
И сияло ярко-желтым, ярко-синим все вокруг.
Над пеньковыми тюками гордо щурился верблюду
На сурового узбена из колхоза «Кзыл Юлдуз».
Тот, людей не замечая, смело вспарывал арбуз.
А вокруг горшков и блюду
Волновался разный люд.

Ах, какие это блюда:
И блестят, как изразец,
И звенят, как колокольчик, и поют, как бубенец.
Их безоблачному небу взял аллах за образец.
Это маленькое небо за десятку продают.

А какие там узоры по глазури завиты!
Красноперые пичуги в желтых зарослях поют.
И лазурные озера меж кустами налиты.
Эти малые озера за десятку продают.

Он, как глина, мудр и стар,
Этот каменный гончар.
Он берет ломоть арбуза, красноватый хрусткий снег.

Он как будто равнодушен, этот старый человек.
Пусть, мол, сам себя похвалит звонкий
глиняный товар!

Он недаром желтой глиной перепачкан по утрам.
Вот когда тоскует сердце от удач и неудач.
А болтливость не пристала настоящим мастерам.
Суетливость не пристала настоящим мастерам.

...Почему, почему так невозможно спокойны многие гости Азербайджана, приезжие музыканты, когда они слышат лучшие напевы его родины? Как сделать и для них близкой и понятной эту музыку? Быть может, из этих раздумий композитора родилось открытие. Древнейшие народные мугамы — вокально-инструментальные сюиты, многоэпизодные рапсодии, состоящие из теснифов-песен и рэнгов-танцев и напевавшиеся обычно на тексты азербайджанских поэтов-классиков Низами, Физули — надо

(Уз. Гаджибекова, М. Магомаева) и богатейший опыт музыкального творчества русских и западноевропейских мастеров.

Одно из последних сочинений композитора — «Симфонические танцы». «Я отдам жизнь за ту женщину, которая родила тебя. Потому что я полюбил тебя и мучаюсь», — так примерно можно перевести содержание народной песни, что легла в основу первого номера этого цикла — «Танца радости». Амиров умело превратил мягкий, чувствительный тесниф в стремительную, энергичную мелодию, придал ей характер жизнеутверждающего плясового напева.

На несколько минут как бы далеким воспоминанием возникает картина мягкого, покорного танца; терпкие гармонии сопровождают неторопливую, плавную мелодию; суховатый, чуть трескучий звук барабанчика придает музыке черты некоторой иллюзорности, — это «Танец девушек».

А «Танец джигитов» — стремительная массовая пляска.

...Баку. Эстрада приморского парка. Долгую, протяжную мелодию выпевает старый ашуг. И песнь его собирает тысячную толпу. Кому-нибудь эта мелодия может показаться однообразной, маловыразительной. Но то внимание, с которым слушают певца, заставит задуматься, задержаться у эстрады и, наверное, еще раз прийти сюда.

На той же эстраде (это бакинская традиция — воскресные концерты для отдыхающих в парке) звучат сочинения Фикрета Амирова — как продолжение песен народного ашуга.

Д. РОМАДИНОВА

СБЛИЖАЕТ

С ВЕКОВОМ

Мир трудно удивить. Мир слышал многое. Но незнакомый напев, то грустный и мягкий, то сильный и мужественный, вдруг зачаровал слушателей. В разных столицах запестрели афиши, на которых были незнакомые слова: «Фикрет Амиров. Симфонические мугамы «Шур» и «Кюрды-Овшары».

Фикрету Амирову тогда, в середине пятидесятых годов, было немногим более тридцати. Недавно окончил он консерваторию, а его лирическая симфония «Памяти Низами», струнный квартет, симфонические мугамы уже звучали в разных странах.

«одеть в одежды» профессиональной музыки. Придать их звучанию новую инструментальную окраску, динамизировать развитие, может быть, богаче гармонизовать мелодии, но сохранить наиболее характерные качества первоисточника — основное мелодическое и ритмическое зерно темы. И когда впервые зазвучали мугамы «Шур» и «Кюрды-Овшары», в сложных взаимоотношениях азербайджанского народного и профессионального искусства «произошла революция». Фикрет Амиров объединил народное искусство, искания классиков азербайджанской музыки

Как записывают голоса зверей? Может быть, это долгое ожидание у водооя в кустах, может, это микрофон, свисающий с дерева над поваленной зеброй, к которой обязательно придут хохотать и пачкать морды шаналы и вдруг смолкнут и прыснут в стороны, когда придет леопард...

У меня все произошло достаточно просто. Я шла с магнитофоном

ШУМ ЛЕСА

наперевес по просеке в Беловежской пуще, обирая с лица Паутину, и записывала так называемый шум леса. И вдруг за жердевыми перильцами показалась мне кабаниха. Она часто ступала своими стоптанными кривыми каблучками, она была седая и широкоплечая, стриженная, как солдат. Кабаниха нелюбопытно остановилась против микрофона. Я стояла давно. Магнитофон бестолково крутился. Кабаниха сморгнула и навела на меня свое двуствольное рыло. Маленькие мокрые дула дернулись вбок...

Внезапно за ее спиной появился кабан, потоптался, помигал белыми ресничками. Кабаниха нетерпеливо трянула ухом. В глазах кабана стыла слезка, он смотрел с бессмысленным добродушием.

Кабаниха заорала. В этот момент у меня стала кончатся пленка. Магнитофон вертел очками, под одним набухал уже внушительный нарий глаз, под другим ничего почти не оставалось, только голый металлический зрачок. Вильнул коричневый хвостик денты, я выключила запись. От щелчка кабаниха смолкла и ушла. За ней пошел кабан, на некотором расстоянии.

Потом оказалось, что на пленке было увековечено четырнадцать с половиной минут ровного металлического шороха (так называемый шум леса) и тридцать секунд выразительного визга.

Послушав эти тридцать секунд, сотрудники Беловежского заповедника объяснили мне содержание. Те жердочки — это загон для «артистов», на публику. Кабаньи поросята давно подлезли под жерди и ушли в пущу. А старики остались. На воле они бы тоже разошлись, да куда увидешь, кругом жерди...

Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ
Фото Л. Лазарева
и Н. Немнонова.

ПОСАДОЧНАЯ

В Гаване она обычная, такая же, как и на любом аэродроме мира: квадраты бетона, два ряда сигнальных огней, черные следы от самолетных колес. Но придет миг, надвинется испытание, и этот обычный бетон, эта обычная посадочная полоса станет Родиной.

...Пятнадцать дней Гавана ищет убийцу. Весь народ — это не преувеличение.

Таксисты вглядываются в пассажиров. Официанты, меняя тарелки, засматривают в лица сидящих. В кар-

тации сахарного тростника. Перебирается в покинутый дом. В старой части Гаваны он, наконец, находит убежище в келье монастыря. Два монаха тайком носят пищу, готовят предателю побег.

манах шуршат газеты с подробными приметами.

Несколько дней убийца живет в зарослях на план-

ПОЛОСА

11 апреля все они были арестованы в монастыре Святого Франциска. Когда преступников выводили из монастыря, товарищи из Министерства внутренних дел Кубы приложили немало усилий, чтобы провести их через толпу разгневанных гаванцев.

С. ПАКИН, В. ПУГАЧЕВ,
корреспонденты Всесоюзного радио.

Гавана.

На второй звуковой странице — история мужественного подвига двух кубинских патриотов, которые привели свой самолет на посадочную полосу Родины.

КОРРЕСПОНДЕНТ ГАЗЕТЫ «ГРАНМА» ОСКАР МЕНДОЗА РАССКАЗЫВАЕТ В СВОЕМ ФОТОРЕПОРТАЖЕ О СОБЫТИЯХ В НЕБЕ И НА ЗЕМЛЕ.

На снимках:

Следы выстрелов на бронированной двери кабины пилотов.

«ИЛ-18» после посадки в Гаване.

Место Альвареса. Смерть настигла пилота в этом кресле.

Эдор Рейес, солдат охраны.

Капитан Фернандо Альварес Перес.

Арест священника, скрывавшего убийцу в монастыре.

Похороны героев.

Сейчас начнется спектакль.
 Это история про девочку Зою Никанорову, про старого индийского слона Тома, и про хулигана Петьку Стоеросова, мучителя животных.
 Написал пьесу писатель Владимир Лившиц, кукол нарисовал художник Михаил Артемьев, а музыку сочинил композитор Илья Шахов.
 Смотрите и слушайте!

1.
 В нашем доме
 каждый занят
 своим делом.
 Я писатель.
 Пишу книжки
 про животных.

3.
 Поймают его —
 начинает канючить:
 «Я больше не буду,
 провалиться мне
 на этом месте»...
 Поверят ему,
 отпустят.

КАК ПРОУЧИЛИ ПЕТЬКУ СТОЕРОСОВА

КОЛОБОК
 «Кругозор» —
 детям

2. ↑
 Один только Петька Стоеросов безобразничает. Завел отвратительную рогатку и стреляет в животных.

4. ↑
 Весь дом был возмущен!
 «Уважаемые жильцы! Я беру
 сь его перевоспитать!»

В. АУШЕВ

**скачет
 солнце**

Апельсины
 На лотке.
 Апельсин
 В моей руке,

В небе синем,
 В небе синем
 Солнце
 скачет
 А-
 пель-
 си-
 ном!

Скачет солнце
 По лотку
 С рыжей вмятинкой
 В боку!
 Подходи
 И спрашивай
 Этот шар
 Оранжевый!

**кто
 это?**

Это кочка?
 Нет, не кочка.
 Это бочка?
 Нет, не бочка.

Может,
 Тыква с хвостиком
 Забежала
 В гости к нам,
 Под крылечко
 Юркнула
 И довольно
 Хрюкнула,

5.

А почему слон схватил Петьку Стоеросова? И откуда он взялся? Вы узнаете продолжение этой истории, прослушав наш рассказ на пластинке № 8.

6. ↓

Как видите, все кончилось хорошо...

В этом спектакле играли для вас:

автора — Н. Алексахин,
Петьку — И. Мазинг,

Зою — заслуженная артистка
РСФСР Е. Синельникова.

Режиссер — В. Лопухин.

Алексей КОНДРАТЬЕВ

подсолнух

Если б у подсолнуха
были две ноги,
если б у подсолнуха
были сапоги, —
весело за солнцем
шел бы он и шел,
он бы вместе с солнцем
Землю обошел!

Фото Н. Рахманова.

Юрий СМИРНОВ

Над сосной звезда качается.
Ближе к дому жметса сад.
Ночь на свете начинается.
На мансарде дети спят.
Душно им в нагретой комнате.
Оголилося плечо.
Снятся им, должно быть, конники,
Или что-нибудь еще.
Зазвенело на веранде.
Простучал тяжеловес.
Громом, словно по команде,
Огласился дальний лес.
...Завтра будем лук со стрелами,
Встав пораньше, мастерить.
Сыновья должны быть смелыми.
Пригодится. Может быть.

Валентин СИДОРОВ

Меняют очертанья вещи,
И каждый раз в вечерний час
Намеком нажуются нам вещим
И вновь неведомы для нас.

И вновь таинственно хлопочет
В овраг сбегающий ручей.
Чего он хочет?

Что пророчит
Прозрачной зыбкостью своей?

И почему торопят тропки
Туда, где легкий звон берез?
И все пронзывает тонкий
Голубоватый отсвет звезд.

Сегодня есть одно спасенье,
Одно простое волшебство —
Зарыться в сено, злое сено,
Не зная, не помнить ничего.

И ничего уже не надо,
И никого я не зову.
И хорошо с размаху падать
В сухую жесткую траву.

И хорошо, что солнце село,
Прохладой веет из леса.
И пахнет звездами и сеном
Моя мятежная тоска.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки: в парке имени
Двадцати шести
банинских комиссаров.
Фото А. Лидова.

Художник
В. Шапов.
Технический редактор
Л. Петрова.
Режиссер
Н. Субботин.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.

Телефоны редакции:
В 3-73-94, В 3-74-59.

В 05068. Подп. к печ.
17/VI 1966 г.
Формат бумаги 67×84^{1/2}.
Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.
Тираж 250 000 экз.
Зак. 1672. Цена 1 руб.

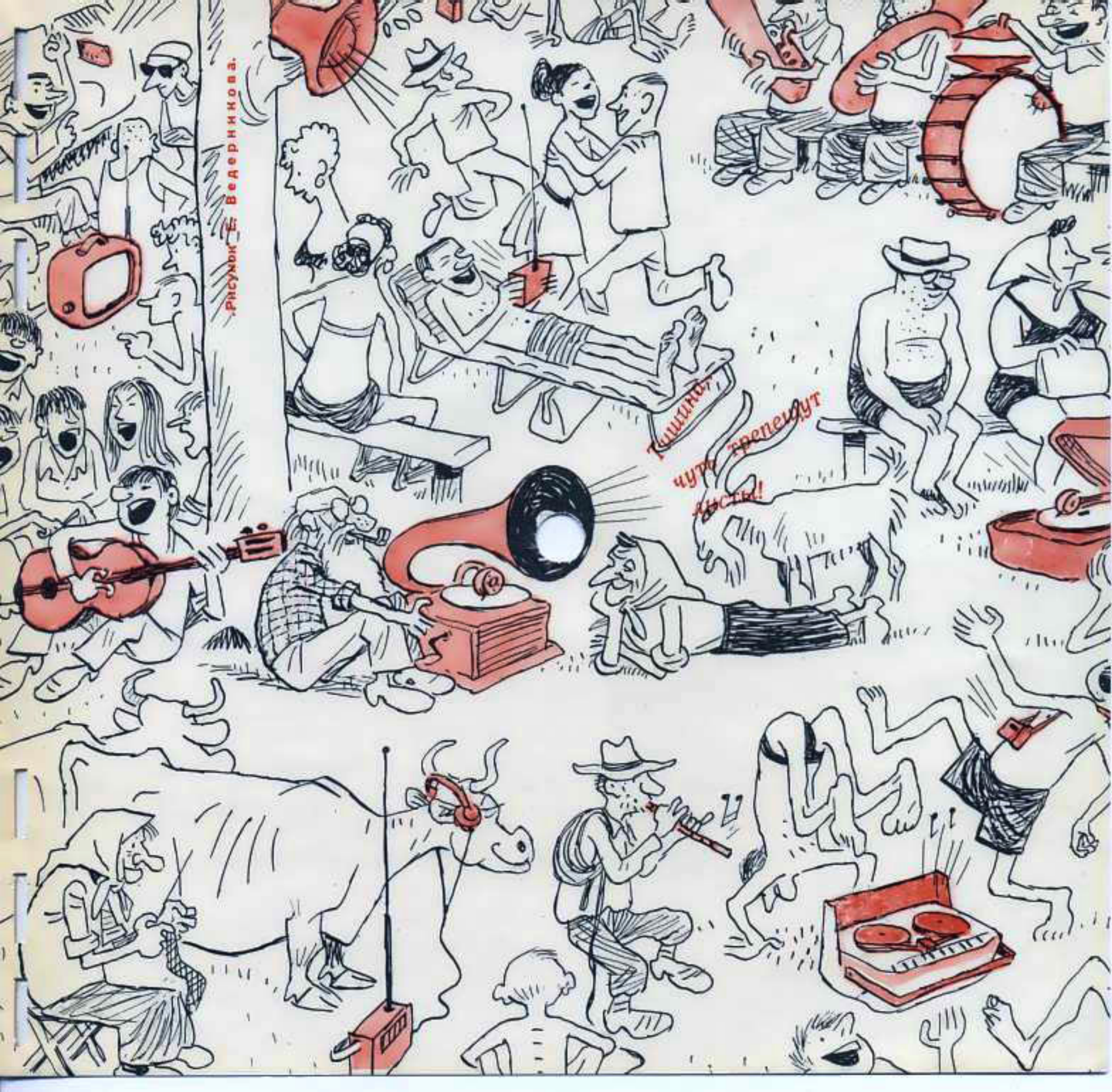
Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени
В. И. Ленина.

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. Коммунист — это боец. Говорит Лунджи Лонго.
2. Подвиг в небе Гаваны.
3. Фикрет Амиров. «Симфонические танцы» (три части). Дирижер Н. Рзаев.
4. На сцене Ирина Архипова. Фрагменты партии Любаши из оперы Н. Римского-Корсакова «Царская невеста».
5. Первый учитель.
6. Пластинка поэта. Д. Самойлов. Из новых стихов.
7. Микис Теодоракис. Песни, которые поет Греция.
8. «Слон и Зоя». Музыкальная сказка для детей.
9. Премьеры квартета «Аккорд»: «У крыльца высокого» (М. Блантер, М. Исаковский); «Снова я мальчишка» (С. Мирашвили, Ю. Цейтлин).
10. Брем в переложении для магнитофона: голоса зверей.
11. А. Пахмутова, Н. Добронравов. «Мы учим летать самолеты». С. Пожлаков, А. Ольгин. «Человек из дома вышел». Поют Ю. Гуляев и Э. Хиль.
12. Шесть минут танцевальных ритмов. Исполняют оркестр под управлением В. Людвиковского и оркестр польского радио.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

Рисунок Е. Ведерникова.

Тышно!
чуть спешают
Ахсты!

Цена 1 руб.

Фото С. Раскина.

КАРЕЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ

Сплав леса на реке Суне.

Над Ладогой. Высота 120 метров.

Ансамбль «Кантеле».